

— Извини, Джимми.

Спустя несколько дней после того выступления Линд вдруг выскочил из машины и побежал догонять брата, чтобы извиниться.

— А? Ты о чём? — недоумённо уставился на него Джеймс.

— Обо всём, — тихо выговорил Линд.

— Ты белены объелся? — ляпнул Джеймс. — Или головой ударился?

Линд мгновенно вскипел.

— Да хорош тебе! — крикнул он, багровея от злости. — Был бы ты нормальным воспитанным парнем, просто принял бы извинения старшего брата и сказал: «Ладно, всё путём». А ты стоишь тут и тупишь: «Почему да почему?» Да какая тебе, к чёрту, разница!

— Да я всего один раз спросил! Откуда мне знать, за что ты извиняешься? И с какой стати мне это просто так хавать? Вежливость? Ты себя-то слышишь? Ты мне про вежливость затирать будешь? — обиженно затараторил Джеймс. — Да разве так вообще извиняются?

Линд набычился и замолчал.

Ситуация выглядела глупо — поди разбери, на кого он сейчас злился: на брата или на самого себя.

Имея под боком такого вздорного и упрямого родственника, Джеймс мог только переминаясь с ноги на ногу и покорно ждать, пока тот соизволит заговорить. Он всей душой надеялся, что старший разродится мыслью побыстрее. Вообще-то Джимми вылез из фургона, чтобы отлить под ближайшим кустом, а вовсе не ради душевных бесед.

Наконец Линд с видимым трудом выдавил:

— Слушай, Джимми... Я был паршивым братом. Хреново о тебе заботился. Я ведь правда не знал про твою дислексию. На самом деле... чёрт, я вообще думал, что ты просто тупой.

— Да ладно тебе, я и сам не знал, — на автомате брякнул Джеймс, чтобы успокоить брата.

Но секунду спустя до него дошло, и он чуть не подпрыгнул на месте:

— Погоди, у меня что? Какая ещё херня? Я болен? Серьёзно? Да с чего ты взял?

— Ты не знал? — искренне изумился Линд.

— А откуда? Мне никто ничего не говорил! — Лицо Джеймса сделалось растерянным и испуганным. — О господи... Линд, это хоть не смертельно? Я реально болен? Но я же нормально себя чувствую! Вчера на сцене кругов десять нарезал — и хоть бы хны, даже не запыхался!

Братья уставились друг на друга, оба в полном замешательстве.

Линду пришлось объяснять всё с самого начала:

— Да не дрейфь ты, не умрёшь. На самом деле мне твой этот... жеманный приятель по группе рассказал. Ну, Ланс Уинфилд. Мы тут сцапались с ним на днях, и я в сердцах ляпнул, что никто не смеет водить тебя за нос только из-за того, что ты недоразвитый.

Джеймс мысленно выпал в осадок, но промолчал.

— А он давай орать, что ты вообще-то гений!

«Да ладно, — засомневался про себя Джеймс, — он же вечно обзывает меня имбецилом».

— Я ему в ответ: «Ага, гений, который в детстве даже алфавит осилить не мог!»

«Ну спасибо, братишка, — скривился Джеймс. — Обязательно было вываливать чужаку постыдные тайны моего детства?»

— А Ланс говорит, что это дислексия. Мол, у тебя просто трудности с чтением, но с мозгами всё в порядке. И что в музыке ты, возможно, настоящий самородок. Ну, я и спросил, что это вообще за зверь такой...

У Джеймса не осталось сил злиться на брата, который направо и налево трезвонил, будто его младшенький обделён умом. Его сейчас волновало совсем другое.

— И что это значит? — заворожённо спросил он. — Что такое эта дислексия?

— Ну, типа мозг как-то не так обрабатывает то, что ты видишь и слышишь. Короче, там какая-то заумная научная хрень, я сам не до конца врубился. Но главное, мелкий, усвой одну вещь: с твоим интеллектом всё отлично. Ланс сказал, этой штукой страдали куча великих людей, вроде Леонардо да Винчи. И раз так...

Линд запнулся. Его голос прозвучал как-то растерянно, но в то же время в нём скользнула

гордость:

— Джимми, ты не debil. Мать твоя женщина, да ты, походу, гений!

— ... А, — выдавил Джеймс. Больше в голову ничего не шло.

Прожить почти двадцать лет с ярлыком дурачка, а потом узнать, что ты, возможно, скрытый гений? Бывает ли на свете сюжет безумнее?

— И это всё? Просто «а»? — Линду реакция брата показалась слишком вялой, и он снова завёлся. Он шагнул следом за Джеймсом: — Эй! Ты только что узнал, что ты гений! Скажи хоть что-нибудь! Ты вообще рад?

Джеймс на секунду задумался, а потом жалобно произнёс:

— Слушай, я сейчас обоссусь. Можно я сначала дело сделаю?

Линду словно ушат холодной воды на голову вылили. Ему нестерпимо захотелось придушить этого придурка.

— Чего ты так на меня смотришь? Я вообще-то из машины только ради этого и вылез! А ты привязался со своими разговорами. Я реально сейчас в штаны надую!

— Ладно, ладно, иди брызгай... Стой, подожди, я с тобой.

Братья устроились плечом к плечу под раскидистым деревом и дружно зажурчали на корни.

Только теперь до Джеймса наконец дошёл смысл сказанного, и он неуверенно спросил:

— Слушай, я что, реально... типа гений?

— Ага, гениальный ссыкун, — лениво отозвался Линд, у которого весь пафос момента уже улетучился.

— Обалдеть! — Джеймс наконец-то расплылся в улыбке. Повернувшись к брату боком, он азартно предложил: — Слышь, давай струи скрестим в честь такого дела?

Линд закатил глаза, но всё же нехотя повернулся:

— Ладно, валяй.

Две тёплые струи пересеклись в воздухе, окончательно смывая позорное клеймо семейного дурачка.

Облегчившись, Джеймс весело и залихватски свистнул. Надо же, он — гений!

Линд покосился на него и тоже невольно улыбнулся.

Похоже, они пропадали слишком долго. Стоило им запрыгнуть обратно в салон, как парни встретили их глумливыми подколами про пользу обильного питья при запорах.

Братья синхронно выставили средние пальцы, но так или иначе лед был растоплен.

Под привычную перебранку Линд завел мотор, и фургон покатил дальше.

Только теперь Джеймс то и дело украдкой поглядывал на Ланса.

Темноволосый и голубоглазый гитарист дремал, прислонившись виском к стеклу. В лучах полуденного солнца его точеный профиль казался почти неземным, словно светился изнутри.

Джеймса так и подмывало спросить:

«Когда я путал буквы, все думали, что я просто лентяй и тупица. Но почему... почему только ты понял, что у меня дислексия?»

Но он смолчал.

Джеймс прекрасно знал этот несносный, заносчивый характер. Ланс наверняка выдал бы что-то в духе «просто я умнее прочих» или «остальные слепые кретины». А о том, сколько усилий и времени он потратил ради этого своего «ума», Ланс никогда и никому не расскажет.

«Ну и ладно, пускай» — подумал Джеймс и глуповато, но абсолютно счастливо улыбнулся.

Главное, что сейчас рядом с ним были и любимый брат, и лучший друг.

Турне продолжалось.

В те годы гастроли были делом обыденным, но делились строго на две категории: прибыльные и убыточные.

Первые катали именитые группы — при деньгах, поддержке спонсоров и лейблов, с толпами

преданных фанатов, готовых швырять пачки купюр к ногам своих кумиров.

Вторые были уделом безвестных новичков. За душой у таких команд не водилось ни гроша, и они мотались по городам на чистом энтузиазме, выступая себе в убыток лишь ради того, чтобы заявить о себе и привлечь внимание звукозаписывающих компаний.

Конечно, каждый мечтал о первом варианте.

Но суровая реальность загоняла всех во второй.

А жизнь бродячих музыкантов — штука несладкая.

Представьте себе: шестеро здоровых мужиков изо дня в день заперты в одном тесном фургоне.

«Боже, ну и извращённая же это была поездочка» — много лет спустя с усмешкой вспоминал Ланс.

Поначалу всё казалось забавным и новым. Парни травили байки, хвастались былыми победами, пошловато шутили и дружно орали песни под гитару, надеясь сплотить коллектив и получше узнать друг друга.

Но стоило им провести в таком режиме неделю...

...как вся романтика улетучилась. Они изучили друг друга до тошноты. Столько раз бегали вместе «до ветру», что уже наизусть помнили, у кого там причандалы похожи на банан, а у кого — на стручок перца чили. На смену былому задору пришёл пресловутый кризис отношений, когда все друг другу примелькались. Парни тупо устали, общие темы иссякли, и в салоне повисла тяжёлая, угрюмая тишина.

К тому же сами гастроли выматывали душу.

Бесконечная дорога высасывала последние силы, но по вечерам им приходилось выжимать из себя бешеную энергию, чтобы завести толпу. Вдобавок то и дело случались досадные накладки: то на гитаре струна лопнет прямо посреди соло, то посреди песни в клубе вырубит свет. Корявая местная аппаратура выдавала звук, похожий на скрежет неисправной мясорубки, а неблагодарная публика то и дело принималась свистеть и улюлюкать. Напряжение росло, превращаясь в глухое раздражение.

Постоянные опоздания тоже не добавляли оптимизма.

В те доисторические времена, когда навигаторов не было и в помине, разбитые дороги и блуждания по карте превращали любую поездку в лотерею.

Если задержка составляла минут десять, это ещё куда ни шло — можно было компенсировать ожидание, отыграв чуть дольше положенного.

Но порой они умудрялись опоздать на целый час, и на выступление им оставалось жалких три минуты — ровно на один трек.

Разумеется, рассчитывать на бурные овации в таких случаях не приходилось.

Разъярённая публика, прождавшая весь вечер ради одной песни, свистела, материлась и швыряла на сцену пустые пивные стаканы.

Музыкантам оставалось лишь позорно ретироваться под градом мусора, не получив ни шиллинга гонорара.

Впрочем, на этих «партизанских» гастролях они изначально не планировали разбогатеть, так что к финансовым провалам все относились философски.

Правда, когда скудные сбережения начали таять, условия жизни покатались по наклонной.

О гостиницах пришлось забыть.

«Ну сами подумайте, какой нормальный отель пустит шестерых парней в один номер? — со смехом делился воспоминаниями Ланс годы спустя. — На меня портье у входа смотрели как на сутенёра или извращенца! Снимать два номера? Исключено. Мне ещё нужно было откладывать на новые инструменты и комбики».

В итоге они стали перебиваться ночлегом у сердобольных фанатов — спали прямо на полу в пыльных гаражах или сараях среди старого хлама. Ощущение было такое, словно их всей гурьбой вышвырнули на помойку.

Поразительно, но при всей дикости условий никто даже не заикался о возвращении.

Даже капризный Ланс ни разу не хныкал и не предлагал всё бросить.

На самом деле уже к концу первого месяца Джеймс вымотался до предела.

Поначалу он не умел беречь силы и выкладывался на каждом концерте без остатка: носился по сцене как заведённый, наматывая за вечер солидный кросс. Естественно, организм быстро дал сбой. Но Джимми смотрел на изнеженного Ланса, который упрямо терпел все тяготы, и прикусывал язык.

«Я что, буду первым, кто сдастся и побежит к мамочке? Ну уж нет!»

Стиснув зубы, Джеймс продолжал тянуть лямку, втайне молясь, чтобы кто-нибудь другой наконец закричал: «Да пошло оно всё, поехали домой!»

Но никто не сдавался.

И лишь много лет спустя вскрылась одна забавная правда...

Оказывается, абсолютно все в группе думали точно так же!

«Надо ещё капельку потерпеть. Джимми вчера кашлял, он явно на грани. Как только он заскулит, я сделаю вид, что неохотно соглашаюсь свернуть лавочку»

«Ланс в последнее время совсем притих. Наверное, хочет домой. Как только он заикнётся об этом, я просто согласно кивну, мол, ладно, уговорил»

«Господи, как же я задолбался! Скорей бы Джимми сдался. Он вчера всю ночь кашлял, пусть уже скажет, что заболел»

«Ну и ад... Они тут все железные, что ли? Сил моих больше нет, валить надо отсюда»

«Мать твою, эти рокеры реально сумасшедшие! Но я не имею права подводить Джимми. Терпи, казак!»

Каждое утро они фальшиво улыбались друг другу, демонстрируя чудеса товарищеской заботы, а сами выжидающе смотрели на коллег: ну давай же, ну скажи, что пора завязывать с этим чёртовым турне! И тогда все с облегчением подхватили бы: «Ну, раз уж ты так просишь, ладно, поехали...»

Но наступал вечер, и они снова засыпали в какой-нибудь сырой конуре, глядя на товарищей по группе с нескрываемой ненавистью и глухой обидой.

«Никто. Не хочет. Сдаваться. Да почему вы все такие упёртые твари?! Мне приходится гробить тут здоровье просто потому, что я не хочу прослыть слабаком! Господи, я хочу домой, к маме, в чистую тёплую ванну, на нормальный матрас! Хочу нормального чая, а не этой бурды!»

Каждый страдал молча.

И смех и грех.

Они упорно катили на юг, в сторону Лондона, храня этот нелепый секрет.

И лишь много лет спустя фанаты, сопоставив их редкие откровенные интервью, докопались до истины.

Оказалось, что легендарный первый состав группы вовсе не был кучкой идейных бесребреников, которых вела вперёд святая любовь к искусству и рок-н-роллу. Весь этот изнурительный путь они проделали исключительно на одном топливе — на убогой, дурацкой и упрямой мужской гордости.

<http://bllate.org/book/19389/1988209>